

Еутопия
Пол Андерсон

Пол Андерсон. Еутопия

Пол Андерсон. Еутопия

- Гиф выт нафнк?

Данские слова, вырвавшиеся из динамика, застали Язона врасплох, хотя он предвидел, что услышит их именно сейчас, пока не успел еще стихнуть рев геликоптера, пронесшегося над самыми верхушками деревьев.

- Кто ты? - спросил голос.

Язон Филипп посмотрел сквозь прозрачный верх кузова автомобиля. Над его головой меж, двух неровных стен елового леса, растущего по обе стороны дороги, тянулась голубая полоса неба. На корпусе военного геликоптера играло солнце.

Язон почувствовал, как холодный пот проступает подмышками и стекает по ребрам. Только не впадать в панику! Господи, помоги мне! Призыв о помощи к Богу был всего лишь кодовой фразой, освященной многолетними тренировками. Обычная психосоматика: подчини себе рефлексы, дыши равномерно, прикажи пульсу замедлиться - и избавься от страха смерти. Он молод, значит, может потерять многое. Но философы Еутопии

правильно воспитывали детей, порученных их опеке. Ты станешь мужчиной, то есть - приобретешь опыт, говорили они. Сущность же человеческая основывается на независимости от инстинктов и рефлексов. Наш принцип жизни: свобода через умение владеть собой.

Язон не мог выдать себя за моотмана - жителя Норландии; слишком заметен был его эллинский выговор. Но он мог попытаться обмануть пилота геликоптера и выиграть время, прикинувшись приезжим из другой страны этого мира. Он понизил голос, чтобы хоть как-то замаскировать акцент, и спросил с нарочитым высокомерием:

- А ты кто такой? И чего хочешь?

- Я - Рунольф Эйнарссон, капитан армии Оттара Торкелссона, Владетеля Норландии. Ищу человека, который накликал месть на свою голову. Назови свое имя.

Язон вспомнил Рунольфа. Смуглое лицо, темные волосы - признак туркерской крови. И голубые глаза; видимо, кто-то из его предков родился в Туле... Нет, в этом мире совсем иная история и юг Европы называется Данарик...

- Меня зовут Ксипек. Я - купец из Мейако, - не раздумывая ответил Язон. Сейчас, после бегства из замка Владетеля и бешеной гонки сквозь ночь,

лишь несколько стадий отделяло его от границы. Он и надеяться не смел, что удастся так далеко уйти; обидно, если его схватят теперь...

- Надеюсь, ты говоришь правду. Но я исполняю приказ, и я должен задержать тебя, - протрещал в динамике голос Рунольфа. - Обратись к Владетелю и ты сразу же получишь компенсацию за ущемление своих личных прав. Но сейчас остановись и выйди из машины, чтобы я мог разглядеть твое лицо.

- А что, собственно, произошло?

Еще несколько секунд отсрочки.

- У нас в Эрнвике гостил человек из Старой Земли (из Европы - привычно перевел Язон). Оттар Торкелссон необычайно сердечно принял его, но этот негодяй отважился на поступок, который можно искупить только смертью. И вместо того, чтобы принять вызов Оттара, он украл автомобиль - такой же марки, как твой, - и удрал.

- По-моему, Оттар мог бы публично назвать его негодяем?.. (Однако кое-что из их варварских обычаев я запомнил!)

- Странные слова для мейаканца! Немедленно остановись и выйди из машины! Или я открываю огонь!

Ошибка, понял Язон и до боли сжал челюсти.

Гадес милосердный! Неужели кто-нибудь способен запомнить и не перепутать обычаи сотен крошечных государств, на которые разделен континент? Вестфалия представляла собой куда более пеструю мозаику, чем Земля в варианте истории, где этот материк называется Америкой. Ладно, подумал он. Вот и представился случай проверить, какие у него шансы вернуться - и в Америку, и в Еутопию...

- Хорошо, - сказал Язон. - У меня нет выбора. Но можешь не сомневаться, я потребую компенсацию за оскорбление.

Он тормозил максимально плавно - граница приближалась с каждым оборотом колеса... Дорога вытягивалась вдаль твердой черной лентой, расталкивая гигантские стены деревьев. Он понятия не имел, таксировали ли их когда-нибудь. Может быть, еще в те времена, когда белые люди впервые перебрались через Пенталимни (или Пять Озер), чтобы основать город Эрнвик, расположенный в том же месте, где Далат в Америке и Лукополис в Еутопии. Некогда Норландия простиралась далеко за страну озер, но после войн с Дакотами и Мадьярами, ее территория уменьшилась. Постепенно расширение торговых связей позволило жителям освоить глубинные районы,

богатые дичью (охота являлась национальной страстью Норландии). Таким образом, за триста лет древний лес полностью вернул себе утраченные права.

Перед глазами Язона возник пейзаж этих мест, существовавший в его варианте истории. Сады и огороды, усадьбы, выстроенные с любовью к гармонии, гибкие бронзовые тела в гимнасиумах, музыка при лунном свете... Даже пугающая Америка вспоминалась более человечной, чем эта мрачная чаща.

Но образ Еутопии лишь отголосок реальности, затерянной в многоликих измерениях пространства - времени. Сейчас и здесь он один, а над головой его кружит смерть. Перестань оплакивать себя, ты, идиот! Береги энергию, если хочешь выжить...

Язон остановил машину, приткнув ее к краю дороги. Потом он напряг мышцы, резко распахнул дверцу и выскочил.

Динамик за его спиной разразился длинной тирадой проклятий. Описав петлю, геликоптер ястребом ринулся вниз. Пули посыпались градом, но Язон уже спрятался под деревьями. Ветви заслонили его, словно крыша, которую то тут, то там пробивали солнечные лучи. Стволы сосен

стояли во всей своей мужской красоте, и женщины могли позавидовать их аромату. Опавшие иглы покрывали землю, заглушая звук его шагов; сверху доносилось пение невидимого дрозда, легкий ветерок овевал лицо. Язон бросился на землю, в тень ближайшего дерева, и лежал, тяжело дыша, а частое биение сердца почти заглушало зловещий рев геликоптера.

Минуту спустя геликоптер улетел: Рунольф спешил доложить своему господину, что обнаружил "негодяя". Как же поступит Оттар? Он отправит в погоню всадников с собаками, иначе ему не выследить беглеца. Если так, Язон выиграл пару часов передышки.

А потом... он призвал на помощь все свои навыки, сел, прислонившись к дереву, и принялся думать. Если Сократ, чувствуя холод цикуты, подступающий к сердцу, продолжать учить афинскую молодежь мудрости, то и Язон Филипп в эту трудную минуту сможет, по крайней мере, оценить собственные шансы.

Он бежал из Эрнвика не с пустыми руками, прихватив пистолет местного производства, компас, и наполнив карман золотыми и серебряными монетами. Одежда тоже была добротной: плащ, который можно использовать как одеяло, куртка,

брюки, ботинки. Примерно так же одевались в средневековой Вестфалии.

Но самым мощным оружием был он сам - Язон Филипп. Высокого роста, крепкого сложения, светловолосый и с небольшим носом, доставшимся в наследство от галльских предков. А тренировали его специалисты, снискавшие себе лавры на Олимпиадах.

К прекрасно развитой мускулатуре прилагался блестящий ум. Принципы логики и семантики, заложенные педагогами Еутопии, были в его сознании столь же естественны, как дыхание для жизнедеятельности.

Он намеревался выжить во что бы то ни стало, хотя мог рассчитывать только на самого себя. И он рассчитывал. У него была цель. Он знал, ради чего должен жить. И ради кого. Ради человека, которого он любил и к которому хотел вернуться. Вернуться на родину, в Еутопию, Счастливую Землю, созданную его народом за две тысячи лет жизни на новом континенте. Понадобилось отринуть ненависть и мерзость Европы, чтобы придти к выводу: "Целью нации является достижение всеобщей гармонии".

Язон Филипп должен вернуться на родину.

Он встал и двинулся на север. Он начал свой

путь в тетраду, день, который его преследователи называли онсдаг.

Спустя полтора суток, в день, именуемый торсдаг, он все еще продирался сквозь лес, шатаясь от усталости; на зубах скрипел песок, а желудок, казалось, прилип к позвоночнику. Язон шел на дрожащих ногах и отмахивался от мух, роями круживших вокруг его потного тела. Неожиданно, хотя и далеко позади, послышался лай гончих псов.

Звук рога, словно протяжный хриплый зов, донесся сквозь аркаду листьев. Они напали на след, а он уже не мог двигаться быстрее настигающих всадников. Значит, больше ему не суждено увидеть звезды.

Его рука инстинктивно потянулась за оружием. По крайней мере, нескольких он заберет с собой... Нет. Ведь он - эллин, не убивающий даже варваров, жаждущих лишить его жизни только за то, что он нарушил одно из их табу. Он выйдет им навстречу, остановится под куполом голубого неба и примет в себя их пули. И уйдет во тьму, унеся с собой память об Еутопии, о друзьях, и прежде всего о Ники... Ники! Любовь моя...

С большим трудом Язон вдруг сообразил, что вышел из соснового леса и пробирается сквозь

березовую рощицу. Свет золотил листья деревьев, лаская их стройные белые стволы... Из-за деревьев послышалось мерное ворчание мотора.

Он замер, чувствуя, как близок к полному изнеможению. Однако, резервы еще остались; он выбросил из сознания далекий собачий лай и боль собственного тела. Задышал ритмично, сосредоточившись на чистоте и свежести воздуха, представляя атомы кислорода, проникающие в каждую клетку тела. Успокоил бешено бьющееся сердце, снял усталость, напрягая и расслабляя мышцы, и с радостью ощутил, как отчаяние, иссушавшее душу, уступает место холодному рассудку.

Язон огляделся. Впереди на север раскинулись возделанные земли: волны ветра скользили по молодым посевам, золотисто поблескивающим в лучах заходящего солнца. Неподалеку виднелась постройка одинокой фермы - длинные и низкие деревянные здания со шпилеобразными крышами. Дым от печей поднимался к небу.

В поле работал трактор, и взгляд Язона остановился на сидящем за рулем мужчине.

Хотя в этом мире уже изобрели диэлектрический мотор, на севере он еще не вошел в употребление; поэтому Язон не удивился, учуяв

резкий запах выхлопных газов. Подумать только! В Америке грязный выхлоп считается одной из главных мерзостей. Табу. (В том свинарнике, который они называют Лос-Анжелес!).

Но здесь и сейчас этот запах защипал его ноздри - словно запах надежды.

Мужчина заметил его, остановил трактор и потянулся за винтовкой. Язон пошел к нему, подняв руки и демонстрируя пустые ладони в знак мирных намерений. Водитель воспринял жест с явным облегчением. Он был типичным венгром: коренастый и крепкий, с выступающими скулами, вьющейся бородой, в цветастой, расшитой одежде. Значит, я уже перешел границу, - с облегчением подумал Язон. Это уже не Норландия, это воеводство Дакота!

Прежде чем послать его в этот мир, антропологи из Института Парахронных Исследований снабдили Язона - используя электрохимический метод - знанием основных языков Вестфалии. (Жаль только, что плохо позаботились о знании местных обычаев...) Кто-то решил, что опыт, полученный в Америке, позволит ему квалифицированно работать именно в этой версии истории, относящейся к неалександрийскому варианту. Конечно, цель его миссии - ознаком-

ление и определение степени различия обществ, существующих на разных Землях, но...

Урало-алтайские слова легко слетели с его губ:

- Благословенен будь! Я пришел к тебе как проситель...

Фермер сидел спокойно, но напряжение не сходило с его лица. Он посматривал вниз на Язона и прислушивался к доносящемуся издали лаю собак, держа оружие наготове.

- Я не из той страны, испани. (Еще одно определение "гражданина"). Я мирный купец из Старой Земли, прибыл к Владетелю Оттару Торкелссону, в Эрнвик. Но - не знаю, по какой причине, - его гнев упал на меня, и гнев столь сильный, что Оттар нарушил закон гостеприимства и покусился на мою жизнь, жизнь своего гостя. Это его палачи идут по моему следу. Ты слышишь лай их собак.

- Норландцы? Но ведь здесь же Дакота!

Язон согласно кивнул и улыбнулся, показывая зубы, которые блеснули неестественной белизной на грязном заросшем лице.

- Они вторглись в твою землю, не спросив позволения. Если ты останешься в бездействии, они скоро будут здесь и убьют меня, отдавшегося под твою защиту!

Фермер поднял винтовку.

- Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

- Доставь меня к Воеводе, - сказал Язон. - Ты защитишь и закон, и свою честь. - Очень осторожно он извлек из кобуры пистолет и протянул фермеру. - Я навек буду твоим должником.

Недоверие, страх и гнев поочередно оживали на лице венгра. Он не принял протянутого оружия. Если я хорошо в нем разобрался, решил Язон, то выиграю еще несколько часов жизни. Возможно, что больше, но насколько - будет зависеть от Воеводы. Мой единственный шанс - использовать их варварство, их разделение на крохотные государства, гипертрофированные понятия о чести, фетишизацию права собственности и самостоятельности.

А если я ошибусь, то умру, как цивилизованный человек. Этого у меня никто не отнимет.

- Собаки совсем близко. Они будут здесь прежде, чем мы успеем убежать, - сказал венгр с тревогой.

Язон чуть не упал в обморок от облегчения. Он не ошибся. Великим усилием он справился с собой и сказал:

- Мы устроим им сюрприз... Дай мне немного бензина.

- Ага! Таким образом! - фермер рассмеялся и со-

скочил с трактора. - Хорошая мысль, чужеземец. И кстати - я тебе благодарен. Последнее время у нас не жизнь, а скукотища.

На тракторе стояла запасная канистра с бензином. Вдвоем, они прошли до леса по следам Язона, обильно поливая землю, а затем и деревья бензином. Если и это не остановит свору, подумал Язон, то ее ничто не остановит.

- А теперь - быстро домой! - И венгр первый побежал вперед.

Постройки фермы с трех сторон окружали открытый двор. Из стойл доносился сладковатый запах навоза. Язон видел, как из дома выбежали несколько детей и, раскрыв рты, уставились на него. Жена фермера загнала их назад в помещение, взяла винтовку мужа и встала на посту у дверей, не меняя выражения лица.

Дом оказался крепким и просторным. Он мог бы понравиться Язону, но стены и колонны были обтянуты тканью с невероятно сложным и богатым узором. Над камином, в нише, располагался семейный алтарь. Хотя большинство обитателей Вестфалии уже давно избавились от веры в мифы своих предков, земледельцы все еще продолжали чтить Триединого Бога - Одина-Атиллу-Маниту. Фермер подошел к радиофону новейшей кон-

струкции.

- У меня нет своего геликоптера, - сказал он, - но я попрошу, чтоб прислали...

Язон сел и стал ждать. Молоденькая девушка подошла к нему и несмело протянула полную кружку пива и ломоть ржаного хлеба с сыром.

- Будь нашим священным гостем, - сказала она.

- Отдам за вас мою кровь, - без запинки ответил Язон. Он с трудом заставил себя не торопиться, подавив желание рвать пищу огромными кусками, словно зверь.

- Ждать недолго, - сказал фермер, когда Язон расправился с едой. - Я - Арпад, сын Коломона.

- Язон Филипп. - Представляться фальшивым именем показалось ему бестактным. Рука фермера оказалась сильной и теплой.

- Из-за чего ты поспорил со старым Оттаром? - спросил Арпад.

- Меня заманили в ловушку, - с горечью ответил Язон. - Я обратил внимание, как свободно чувствуют себя их женщины...

- Это точно. Все данскарки развратны, как кошки. И бесстыдны, как туркерки. - Арпад достал с полки трубки и кисет с табаком. - Закуришь?

- Нет, благодарю. (Мы в Еутопии не унижаем себя наркотиками).

Язон прислушался. Лай псов стал ближе, но через минуту перешел в жалобный вой. Собаки потеряли след. Еще через минуту раздался звук рога. Арпад набивал трубку с таким спокойствием, словно присутствовал на представлении.

- Вот матерятся-то! - оскалил он зубы в усмешке. - Должен признать, что касается проклятий - данскарцы сущие поэты. Но люди деловые. Я был в их краю лет десять назад, когда они здорово пострадали от наводнения, и Воевода Бела послал нас им в помощь. Они попросту хохотали под потерями и развалинами. А во времена давних войн, если честно, не раз давали нам прикурить!

- Ты думаешь, в Вестфалии возможны войны? - спросил Язон. Прежде всего он стремился избежать вопросов о себе самом, не зная, что сделает его хозяин, если узнает о причинах, которые вынудили его искать убежище в Дакоте.

- Нет. Не в Вестфалии. У нас тут работы невпроворот. Но если молодую кровь не остужают дуэли, то всегда можно стать наемником у варваров, воюющих за морями. Или полететь на другие планеты. Мой старший сын собирается лететь в космос.

Язон припомнил, что несколько державок, расположенных ближе к северу, объединили свои

усилия и уже предприняли первые экспедиции за пределы Земли. Их технология достигла того же уровня, что и американская, а поскольку они не финансировали огромную военную машину и развернутую сеть общественных услуг, то без труда основали базу на Луне и послали несколько экспедиций на Аркес. Со временем, подумал Язон, они добьются того, чего эллины достигли тысячелетия назад, превратив Афродиту в Новую Землю. Но возникнет ли у них истинная цивилизация? Станут ли они рациональными людьми, живущими в рационально спланированном обществе? Очень сомнительно.

Арпад встал, услышав рев мотора за окном.

- Твой геликоптер, - сказал он. - Поторопись. Красный Конь заберет тебя в Варади.

- Данскарцы скоро будут здесь, - отозвался Язон с беспокойством в голосе.

- Пусть их! - Арпад пожал плечами. - Оповещу соседей, а данскарцы не настолько глупы, чтобы не догадаться, что я так и сделаю. Взаимно поприветствуем друг друга - предвижу этот турнир оскорблений, - а потом прикажу им убираться с моей земли. Прощай, гость!

- Я бы хотел... хотел тебя как-нибудь отблагодарить...

- Фи! Не о чем говорить. Я немного развлекся... А кроме того, я показал сыновьям, как должен поступать настоящий мужчина.

Язон вышел наружу. Геликоптер - гравитики здесь еще не знали - пилотировал малоразговорчивый молодой автохтон. Он представился местным торговцем скотом и добавил, что доставку чужеземца в столицу рассматривает не только как услугу Арпаду, но как ответ на бесцеремонность норландцев, вторгнувшихся на территорию Дакоты. Больше он не издал ни звука, и Язон вздохнул с облегчением, когда понял, что ему не нужно поддерживать беседу.

Машина взмыла вверх. По пути (летели на север) он видел фермы, расположенные возле перекрестков дорог; то тут, то там мелькали усадьбы местных магнатов, а вокруг - огромные пространства равнин. Естественный прирост населения в Вестфалии - так же как и в Еутопии - строго контролировался. Но наверняка, подумал Язон, здесь контролируют его не для того, чтобы сохранить для людей природу и чистый воздух. Контроль над рождаемостью служит орудием клановой экономической политики, то есть - бережливости. Отцы не хотят делить собственность между многочисленными детьми.

Солнце скрылось, и почти полная луна, огромная, цвета дыни, взошла на восточной части небосвода. Язон уселся поудобнее, ощущая всем телом вибрацию машины, почти смакуя свою усталость, и принялся разглядывать спутник Земли. Ничто не указывало на то, что на нем находится населенная база. Он успеет вернуться домой прежде, чем засияют на Луне огни городов. В этой истории...

Но дом находился бесконечно далеко. Их разделяли целые измерения и судьбы. Только силовые линии парахрониона могли перевезти его через реку времени и доставить к родным берегам.

Почему мир таков, какой он есть? Почему Бог захотел, чтобы время разделилось на множество ветвей, словно огромное тенистое древо Вселенных, Йиггдрасилл данскарских легенд? Для того, может быть, чтобы человек мог реализовать каждую из своих потенциальных возможностей? Вечные вопросы... Они, наверное, навечно останутся риторическими. Но сейчас ему доставляло удовольствие перекатывать их в утомленном сознании.

Допустим, например, что Александр Завоеватель не оправился от лихорадки, которая прихватила его в Вавилоне. Допустим, что он

умер именно тогда.

Но так действительно произошло, и не в одной из историй. Войны за наследство развалили империю. Развитие Эллады и Востока пошло разными путями. Наука выродилась в метафизику, а затем - в мистицизм. Ослабленную цивилизацию Средиземноморья постепенно подмяли римляне - холодный, нетворческий народ, даже после уничтожения Коринфа цинично называвший себя наследником Эллады. Позже один еврейский пророк-еретик основал мистический культ, легко найдя последователей во всем остальном мире, поскольку печаль переполняла человеческую жизнь. Возник культ, не знавший слова "терпимость". Его жрецы отрицали любые пути, которыми можно прийти к Господу, кроме собственного; вырубали священные рощи, вышвыривали из храмов статуи древних богов и убивали последних людей со здравым рассудком.

Да, думал Язон, со временем они утратили свое влияние и значение. Благодаря этому смогла воскреснуть наука - почти на две тысячи лет позднее, чем у нас. Но яд остался: слишком много людей убеждены, что человек должен приспосабливаться не только к господствующим формам

поведения, но также к господствующей идеологии. В Америке это называется тоталитаризмом, и именно он породил омерзительнейшее изобретение - атомное оружие.

Ненавижу ту историю - ее грязь, ее расточительство, ее предрассудки, ее лицемерие, ее безумие. Никогда у меня не будет более трудного задания, чем тогда, когда я был вынужден выдавать себя за американца, чтобы изнутри узнать, что эти люди думают сами о себе. Мне жаль тебя, бедный, обесчещенный мир. И я не знаю, что лучше, - пожелать ли тебе скорейшего самоуничтожения, или же надеяться, что когда-нибудь твои потомки поймут, как надо правильно жить и узнают, что есть люди, которые счастливы уже многие сотни лет.

Миру Вестфалии, надо сказать, повезло больше. Христианство скончалось под напором арабов, викингов и венгров; возникшая затем Мусульманская Империя рухнула, подточенная гражданскими войнами, и когда европейские варвары тысячу лет назад пересекли Атлантику, они не принялись за уничтожение туземцев, а стали с ними договариваться. Именно поэтому они врастали в этот край не спеша, беря его во владения так, как мужчина берет свою возлюб-

ленную.

Но эти огромные темные леса, печальные равнины, необитаемые горы и пустоши, непуганные стада животных... Атмосфера новой земли проникла в их душу. В глубине сердец они всегда останутся дикарями.

Язон вздохнул, устроился поудобнее и заставил себя заснуть. И каждый сон носил имя Ники.

На могучей реке, носящей имена Зевса, Миссисипи, Великой Реки, в том месте, где водопад подводил черту навигации, земледельцы основали город. Сейчас (переписи никогда не проводились) в Варади насчитывалось около ста тысяч жителей, чьи дома с окнами, выходящими только во внутренние дворики, окружали башни замка Воеводы.

Сразу же после пробуждения Язон вышел на балкон и прислушался к отдаленным звукам уличной жизни. Куполообразные крыши домов напоминали бункеры защитных фортов. Вопрос, подумал он, сможет ли мир, основанный на равновесии сил между этими крохотными державами, продержаться долго?

Но утро было слишком чистым и солнечным, чтобы предаваться размышлениям. Он был в безопасности, уже успел вымыться и отдохнуть.

Сразу после прибытия, видя, в каком состоянии находится беглец, попросивший убежища, сын Белы Жолта приказал накормить его и отправить спать.

Аудиенция близко, подумал Язон, и мне понадобится вся моя осторожность, если я хочу жить. Но он чувствовал себя таким сильным и свежим, что выбросил тревогу из головы.

За спиной послышался звонок. Язон вернулся в комнату - просторное помещение с хорошей вентиляцией, но разукрашенное сверх всякого разумения. Он вспомнил, что местный обычай не одобряет наготу, и потому накинул одеяние, слегка содрогнувшись при виде покрывавших его узоров.

- Войдите, - произнес он по-венгерски.

Дверь раскрылась, и в комнату вошла молодая женщина, толкая перед собой столик с завтраком.

- Доброго тебе дня, гость, - в ее голосе звучал туркерский акцент, на ней был одет национальный туркерский костюм, обшитый бусинками и большим количеством бахромы. - Хорошо ли ты спал?

- Как койот после охоты, - ответил он со смехом.

Она улыбнулась, сравнение ей понравилось, и принялась накрывать на стол. Завтракать они сели вместе - гость не должен был есть в одиночестве. Дичь показалась Язону слишком тяжелым блюдом для такой ранней поры, но кофе был необычайно вкусен, а девушка оказалась очаровательной компаньонкой. Она работала горничной во дворце, часть заработанных денег откладывала на приданое, которое собиралась преподнести своему будущему мужу из страны Черокезов.

- Захочет ли Воевода принять меня? - спросил Язон, когда завтрак приближался к концу.

- Он ждет тебя, и не сомневаюсь, что беседа с тобой доставит ему удовольствие. - Девушка затрепетала ресницами. - Но торопиться некуда... - И она принялась развязывать пояс своего платья.

Щедрое гостеприимство... На мгновение Язону показалось, что он вернулся на родину, в Еутопию, в мир, где люди искали и получали удовольствие совершенно свободно... Какие у нее широкие и гладкие брови, совсем как у Ники... Усилием воли он превозмог искушение. У него не было времени. Если он не успеет укрепить свои позиции до того, как Оттар сообразит позвонить

Беле - он в ловушке.

Язон перегнулся через стол и утешающе погладил маленькую ладонь девушки.

- Благодарю тебя, милая, - сказал он. - Но я поклялся хранить верность.

Его отказ она приняла так же спокойно, как сделала свое предложение. Провожая ее взглядом до двери, Язон почувствовал, как возвращается ощущение инородности. Ему стало жаль эту туркерку... Пожалуй, она была единственным свободным человеком из всех, кого он встречал в Вестфалии. А в остальном жизнь в этом мире оставалась лабиринтом законов, обычаев, традиций и бесчисленных табу. Однажды ты уже чуть не поплатился жизнью за их незнание, сказал он себе. И, кстати, игра еще не кончена. Так что поспеши. Незнание закона не освобождает от ответственности.

Язон накинул приготовленную одежду и выбежал из комнаты. Спустившись по лестнице, он оказался в большом каменном зале, откуда один из дворцовых слуг направил его к покоям воеводы. Там была очередь - несколько человек, принесших на суд владыки свои жалобы и просьбы. Однако, как только Язон попросил доложить о себе, его впустили немедленно.

Зал, в который он попал, относился к старейшей части здания. Потрескавшиеся от времени деревянные колонны, покрытые гротескными изображениями богов и героев, поддерживали низкие своды. Дым от разведенного на полу костра поднимался к отверстию в потолке; увы, часть его оставалась в помещении, и у Язона почти сразу защипало глаза. Могли бы выкроить для своего владыки более современное помещение, подумал он с досадой. Но, конечно, это им и в голову не пришло. Раз уж цари когда-то правили с этого места, значит, иначе быть не может.

На морщинистое лицо Белы свет падал сквозь узкие окна. Воевода был коренастым и седоволосым старцем. Черты его лица выдавали значительную примесь туркерских генов. Он сидел на деревянном троне, закутавшись в плащ, голову украшал шлем с рогами и перьями. В левой руке держал скипетр, украшенный конским хвостом, на коленях лежала обнаженная сабля.

- Привет тебе, Язон Филипп, - сказал он с важностью, указывая Язону на кресло. - Садись, прошу тебя.

- Благодарю тебя, господин мой. - Эллин с трудом заставил себя произнести унижающее его обращение. В Еутопии не титуловали никого.

- Ты готов говорить правду?

- Да.

- Хорошо. - Воевода неожиданно отбросил официальность, закинул ногу на ногу и достал из складок плаща сигару. - Куришь? Нет? Ну, а я закурю. - Улыбка пробежала по его морщинам. - Ты чужеземец, так что нет нужды соблюдать этот чертов церемониал.

Язон отважился на такой же тон.

- Мне тоже так будет легче. Мы в Пелопонесской республике не признаем церемоний.

- Это твоя родина, да? Я слышал, что вам там не очень-то хорошо живется.

- Согласен. Мое государство переживает упадок. Мы понимаем, что будущее принадлежит Вестфалии, поэтому и направляем сюда свои взоры.

- Ты сказал вчера, что прибыл в Норландию, как купец.

- Да. Приплыл, чтобы заключить торговый договор. - Язон старался не лгать, насколько это было возможно. В иных историях нельзя разглашать, что эллины изобрели парахронион. Это не только изменило бы исторические структуры, являющиеся предметом исследований, но, что гораздо серьезнее, люди этих миров увидели бы, что другие уже достигли совершенства, в то

время, как они сами бесконечно далеки от него. Слишком сильный шок. - Моя страна нуждается в импорте древесины и мехов.

- Ага. За этим Оттар и пригласил тебя. Понимаю. Нечасто нам приходится видеть людей со Старой Родины. Но потом он возжелал твоей крови? Почему?

Язон мог уклониться от ответа, пользуясь правом сохранить тайну личных поступков. Но такая скрытность произвела бы плохое впечатление. А ложь была небезопасна: перед троном Воеводы следует отвечать как под присягой.

- Без сомнения, здесь есть и моя вина, - сказал он. - Некая особа из семьи Оттара, впрочем, почти взрослая, - привязалась ко мне, и... Ну, моя жена осталась в Пелопонессе... А кроме того, все меня убеждали, что отношения в Данскаре весьма свободные, ну и так далее. Я не хотел никого обидеть! Оказал этой особе несколько больше сердечности. А Оттар, узнав обо всем, вызвал меня на поединок.

- Почему ты не принял вызов?

Бессмысленно объяснять, почему цивилизованный человек избегает крайних мер, если в его распоряжении есть другие возможности. Варвар - он варвар и есть.

- Сам подумай, господин мой, - сказал Язон. - Если бы я проиграл - то погиб. Если бы выиграл - это означало бы конец нашей торговли с Норландией. Сыновья Оттара никогда бы не приняли выкупа, ведь правда? В лучшем случае, просто выгнали бы нас из страны. А Пелопонесс нуждается в дереве. И я решил, что лучшим выходом для меня будет побег. Потом мои соотечественники извинились бы за меня перед Норландией.

- Хм... Странное предположение. Но в любом случае - ты честен. Чего ты желаешь от меня?

- Единственное, о чем я прошу, это - доставить меня в безопасности в Стейнвик. - Язон с трудом удержался, чтобы не произнести название "Несафины". Он заставил себя умерить воодушевление. - Там меня ждет агент и корабль.

Бела выпустил клуб дыма и с печальным видом посмотрел на быстро уменьшающуюся сигару.

- Хотел бы я знать, отчего Оттар впал в такой гнев. На него не похоже. Но с другой стороны, если той особой была его дочка, он вполне мог быть несдержан... - Он наклонился к Язону. - Для меня, - заявил он резко, - самое важное то, что вооруженные норландцы пересекли границу моего государства, не спросив меня о согласии.

- Это серьезное посягательство на твои права,

Воевода.

Бела выругался, как старый кавалерист.

- Ты не понимаешь! Границы священны не потому, что того хочет Аттила. Это жрецы порют подобную чушь. Границы священны потому, что благодаря их святости сохраняется мир. Если я официально не выражу своего недовольства и не заявлю протест Оттару, то очень скоро какой-нибудь авантюрист может повторить его попытку А сейчас у каждого есть ядерное оружие!

- Но я вовсе не хочу, чтобы из-за меня началась война! - взволнованно воскликнул Язон. - Уж лучше вышли меня в Норландию!

- Не говори глупостей. Я накажу Оттара тем, что не дам отомстить тебе, независимо от того, что правда на его стороне. И ему придется это проглотить. - Бела отложил сигару в пепельницу, встал и поднял саблю. Казалось, говорит не человек, а какой-то варварский бог: - С этого мгновения, Язон Филипп, никто в Дакоте не смеет коснуться тебя! Ты находишься под защитой моего щита и зло, причиненное тебе, будет злом, причиненным также мне, моему дому и моему народу. Клянусь в том Троицей!

Язон потеряв над собой контроль, упал на колени и забормотал слова благодарности.

- Перестань! - буркнул Бела. - Лучше будет, если мы как можно быстрее начнем готовиться к твоему неблизкому пути. Полетишь самолетом, с воинским эскортом. Но, разумеется, сперва я должен буду получить разрешение от властей тех стран, над которыми тебе придется пролетать. На это у меня уйдет немного времени. А теперь возвращайся к себе, отдохни, я вызову тебя, когда все будет готово.

Язон удалился, все еще чувствуя нервную дрожь.

Он провел несколько приятных часов, прогуливаясь по замку и его дворам. Молодые люди из свиты Белы сделали все, чтобы доставить удовольствие человеку со Старой Родины. Он не мог не подивиться их красивой технике верховой езды, стрельбе и изощренности в разгадывании загадок. Неясные чувства возбудили в нем рассказы и песни о странствиях по огромным равнинам, вглубь лесов и через бурные реки, к стенам сказочной столицы Уинборг.

Но именно от этих искушений мы отказались в Еутопии. Мы отреклись от звериного прошлого. Мы - люди, наделенные разумом, в котором заключена суть нашей человечности.

Возвращаюсь на родину. Возвращаюсь домой.

Возвращаюсь домой.

Слуга коснулся плеча Язона:

- Воевода хочет видеть тебя.

В его голосе слышался страх. Язон вздрогнул. Что могло случиться?

На этот раз его не отвели в тронный зал. Бела ждал на стене замка. Рядом стояли на страже два рыцаря, их ничего не выражающие лица скрывались в тени шлемов, отделанных султанами из перьев.

Взгляд Белы не предвещал ничего хорошего. Воевода плюнул Язону под ноги.

- Оттар позвонил мне, - сказал он.

- Я... Что он сказал?..

- А я-то думал, что ты просто хотел переспать с девчонкой. А ты же просто обесчестил семью, оказавшую тебе гостеприимство!

- Господин!

- Можешь не бояться. Ты заставил меня присягнуть на Троице... Пройдет немало лет, прежде чем мне удастся загладить перед Оттаром твою вину, которая пала на меня.

- Но... - Спокойно! Спокойно! Ты же был к этому готов.

- Ты не полетишь на военном самолете. Но эскорт у тебя будет. Машину, на которой тебя

доставят, потом придется сжечь. А теперь марш туда, вон к той куче навоза. Будешь ждать там.

- Я не хотел никому повредить! - закричал Язон. - Я не знал, что...

- Уберите его отсюда, а то я его убью, - распорядился Бела.

Стейнвик был старым городом. Узкие, мощеные камнем улочки и унылые дома видели еще корабли, украшенные мордами драконов. С Атлантики дул ветер, соленый и свежий, и именно он разогнал в душе Язона остатки печали и сожаления об утраченной дружбе людей из Эрнвика и Варади, дружбе, которую он, может быть, хотел сохранить... В конце концов, на ошибках учатся! И нечего переживать: слишком много есть вариантов историй, где этих самых людей не существует вовсе.

Насвистывая, Язон пробирался сквозь толпу прохожих.

Вывеску мотало на ветру. Братья Хинаиди и Ивор. Судовладельцы. Превосходная маскировка в городе, где чуть ли не любая фирма имеет отношение к морю. Он взбежал по ступенькам на второй этаж.

Прижал ладонь к морской карте, развешенной на стене. Скрытый аппарат идентифицировал

формулу его дактилоскопических линий, и дверь, перед которой он стоял, распахнулась. Комната была обставлена согласно царящему в Стейнвике стилю, по пропорции ее наводили на мысль об Еутопии, а на полке распростерла крылья Нике.

Ники... Ники... Я возвращаюсь к тебе! Его сердце забилось сильнее.

Даймонакс Аристидес поднял взгляд от своего рабочего стола. Язон не раз задавал себе вопрос - есть ли на свете хоть что-нибудь, способное нарушить спокойствие этого человека.

- Хайре! - услышал он глубокий бас Даймонакса. - Радуйся! Что привело тебя?

- Мне жаль, но я принес плохие вести.

- Да? По тебе этого не заметно! - Даймонакс поднялся с кресла, подошел к шкафчику с вином, наполнил два изящных и красивых бокала, после чего расположился на ложе. - Ну, теперь рассказывай.

- Нечаянно я нарушил то, что по-видимому, является здесь табу первостепенного значения. И мне сильно повезло, раз уж я выпутался живым.

- Ну, ну... - Даймонакс погладил начинающую седеть бороду. - Не первый такой случай - и не последний. Мы получаем знания наощупь, и действительность всегда поражает нас... В любом

случае, я рад, что ты смог унести ноги. Я с искренним сожалением оплакивал бы твою смерть.

Прежде, чем пригубить вино, они торжественно отплеснули по нескольку капель из своих бокалов - в дар богам. Рациональный человек способен оценить очарование ритуала, а пол был пятноустойчив.

- Ты уже готов составить рапорт?

- Да. По дороге сюда я все упорядочил в памяти.

Даймонакс включил регистрирующий аппарат, произнес несколько каталогизирующих формул и сказал:

- Начинай.

Язон мог гордиться собой, его отчет был подготовлен отлично: ясный, честный и полный. Но когда он говорил, его память невольно возвращалась к пережитому... Он снова видел пляску волн на самом большом из озер Пенталимни, снова прогуливался по внутренней галерее замка в Эрнвике с полным любопытства и восхищения молодым Лейфом; бежал из тюрьмы, оглушив стражника, дрожащими пальцами заводил машину, мчался по шоссе, а потом пробирался сквозь лес из последних сил; вздрагивал, когда Бела плевал ему под ноги, и чувствовал, как радость от близкой свободы оборачивалась горечью. Под

конец он не смог сдержаться:

- Почему мне ничего не сказали? Я бы был осторожней! Ведь меня убеждали, что в Вестфалии люди свободны от предрассудков и половых табу. Откуда я мог знать?

- Да, это упущение, - кивнул Даймонакс. - Но согласись, мы слишком недавно стали заниматься парахронией...

- Зачем мы вообще тут? Чему мы может научиться от этих варваров? У нас в распоряжении бесконечное число миров, почему мы тратим время, занимаясь именно этим? Одним из двух наиболее отвратительных из всех, какие мы знаем...

Даймонакс выключил регистрационную аппаратуру. Какое-то время оба молчали. Снаружи доносился шорох шин проезжающих автомобилей, чей-то смех смешивался с распеваемой песней. За окном раскинулся блестящий в солнечном свете океан.

- Ты разве не знаешь - зачем? - заговорил наконец Даймонакс. Голос его звучал глуховато.

- Ну да... Научные интересы, разумеется. - Язон проглотил слюну. - Прости меня. Разумеется, деятельность Института опирается на рациональную основу. В американской истории мы

наблюдаем тупик в развитии человека. Допускаю, что и в этой тоже.

Даймонакс покачал головой:

- Нет дело не в этом.

- А в чем?

- Мы учимся здесь кое-чему слишком ценному, чтобы от него отрекаться, - ответил Даймонакс. - Этот урок унижает нас, но немного унижения не повредит нашей самодовольной Еутопии. Ты, конечно, не в курсе, так как до последнего времени мы, не располагая доказательствами, не публиковали свое заключение... Кроме того, ты недавно работаешь у нас, и первое задание выполнял в другой истории. Но теперь мы можем утверждать, что Вестфалия - тоже своеобразная Еутопия, Счастливая Страна.

- Это невозможно, - прошептал Язон.

Даймонакс улыбнулся и отпил глоток вина.

- Подумай сам, - сказал он. - Что нужно человеку? Прежде всего, он должен удовлетворять свои биологические потребности: должен иметь пищу, крышу над головой, лекарства, возможность вести половую жизнь и, наконец, жить в безопасности, чтобы растить детей. Во-вторых, человеческий разум постоянно испытывает неистребимую жажду нового, тягу к знаниям и

творчеству. А теперь присмотритесь повнимательнее, и ты увидишь, что в этой истории люди удовлетворяют все свои потребности.

- То же самое можно сказать о любом племени каменного века. Нельзя ставить знак равенства между удовлетворением потребностей и счастьем.

- Разумеется, нет. Просто этот мир не похож на упорядоченную, унифицированную Еутопию, страну ласковых коров, в которой все распланировано. Мы разрешили конфликты: и между людьми, и те, которые раздирали душу каждого человека; освоили всю Солнечную Систему, хотя звезды по-прежнему нам недоступны. И если бы Господь в милосердии своем не позволил нам выдумать парахронион, чем бы мы тогда занимались?

- Ты хочешь сказать, что... - Язону не хватало слов. Он вдруг вспомнил, что только умственно больной человек обижается, если слышит что-то противоречащее его взглядам. - Значит, человек, избавленный от агрессивности, лжи, предрассудков, ритуалов и табу - ничего не имеет впереди?

- Почти так. Общество должно обладать структурой и целями. Природа же не диктует ему ни того, ни другого. Наш рационализм является

нерациональным выбором. То, что мы подавляем зверя в себе, - попросту еще одно табу. Нам можно любить кого угодно, но нельзя ненавидеть. Так разве мы обладаем большей свободой, чем жители Вестфалии?

- Но ведь есть культуры, которые лучше остальных!

- Не спорю, - сказал Даймонакс. - Я лишь обращаю твое внимание на то, что каждая культура за свое существование платит определенную цену. Мы дорого платим за все, чем наслаждаемся в Еутопии. Мы не позволяем себе ни одного бессмысленного, эгоистического поступка. Ликвидировав все опасности и трудности, уничтожив различия между людьми, мы не оставили себе никаких шансов на победу. А быть может, худшее здесь то, что мы становимся законченными индивидуалистами. У нас нет ощущения сопричастности. Наши обязанности носят чисто негативный характер: мы обязаны не принуждать к чему бы то ни было никого другого. Государство - безличный, великолепно организованный, непринуждающий механизм - заботится об удовлетворении любой нашей потребности, об избавлении от любой неприятности, которая может с нами случиться. А где наше уважение

к смерти? Где интимность, которую можно испытывать лишь проведя вдвоем с любимым человеком целую жизнь? Мы частенько балуемся разными торжествами и церемониями, но, зная, что все они сводятся к отработанным жестам, я не могу не спросить: чего же они стоят? Мы сделали однообразным наш мир, мы потеряли его цвет и контрасты, мы растеряли собственное своеобразие...

А вот жители Вестфалии - несмотря на их варварство - знают кто они, какие они, и что им принадлежит. Их традиции не вычитаны из книг, они неотъемлемая часть их жизни. И их мертвые остаются в памяти живых. Перед ними стоят реальные проблемы, потому и дела их реальны. Они верят в свои ритуалы. Верят, что стоит жить и умирать ради семьи, короля, народа. Быть может, хотя я в этом и не уверен, они меньше нас размышляют о вечном, но зато в большей степени используют свои нервы, железы и мышцы. И если они создали при этом науку и технику, то не стоит ли нам кое-чему у них поучиться?

Язон молчал.

Даймонакс снова нарушил тишину.

- Теперь ты можешь вернуться в Еутопию. А когда отдохнешь, получишь новое задание. В той

истории, которая тебе более симпатична. Расстанемся друзьями.

Зашелестел парахронион. Тетива времени натянулась между вселенными... Распахнулась дверь и Язон вышел наружу.

Он оказался в лесу блестящих колонн. Белые Несафины - вечный, родной город террасами спускался к морю. Откуда-то доносился звук лиры.

Радость звенела в Язоне. Он уже не помнил о Лейфе. Мимолетное увлечение, спасательный круг от одиночества и тоски... А теперь он был дома. И здесь его ждал Ники, Никиас Демосфенос, самый красивый и самый очаровательный из мальчиков.